

18+

Анна Сергеевна Орлова

ПАУНА
СФИНКСА

или Предсказание для
двоих

Нина Орлова

**Тайна сфинкса, или
Предсказание для двоих**

«Издательские решения»

Орлова Н. С.

Тайна сфинкса, или Предсказание для двоих / Н. С. Орлова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513789-0

В одном каком-то городе в каком-то музее работала какая-то девочка, возомнившая себя взрослой женщиной. Неожиданно умер старик. Вполне безобидный. Причем тут девочка? Старик этот был не простым стариком, а хозяином антикварной лавки, которая вдруг стала предметом интереса для ФСБ...

ISBN 978-5-00-513789-0

© Орлова Н. С.
© Издательские решения

Тайна сфинкса, или Предсказание для двоих

Нина Сергеевна Орлова

© Нина Сергеевна Орлова, 2020

ISBN 978-5-0051-3789-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Снова этот сон. Он мучил меня уже на протяжении месяца, стоило только закрыть глаза и уснуть. Каждую ночь я оказывалась в том подвале...

Я открываю глаза и шурюсь от яркого света. Голова нестерпимо болит. Я сижу на холодном бетонном полу, прислонившись к стене, руки связаны спереди, ноги тоже. Я наклоняю голову и пытаюсь ощупать рану. Волосы оказались липкие, скорее всего от крови. Взглянув на руки, я убеждаюсь в своей правоте. Кровь ощущается и во рту. Коснувшись нижней губы кончиком большого пальца, я чуть не взвизгиваю от боли и матерюсь. Громко не получается. Во рту пересохло, поэтому из горла вырывается лишь противный хрип.

Вкус крови дурманит все больше. Вопреки моим убеждениям, кровь кажется сладковатой, а не соленой. Голова кружится ещё сильнее. Левое плечо болит, а черепушка раскалывается (может, так оно и есть, судя по крови).

Сколько я уже здесь? Час? День? Я ощупываю себя и пробую пошевелиться. Целостность опорно-двигательного аппарата меня здорово удивляет и радует. Что-то, а как долго заживают переломы, я знаю не понаслышке.

Однажды моя чумная бабка сломала мне руку, за что – судить не берусь. Рука заживала долго, да к тому же неправильно, как выяснилось через месяц, так что руку мне сломали повторно, но уже врачи. С тех пор я трепетно относилась к своему здоровью, перестала лазить по гаражам с мальчишками, перепрыгивать ступени и доводить бабку.

После осмотра своего брэнного тела, я принимаюсь осматривать помещение, в котором я оказалась не по своей воле.

Подвал представлял собой коробку примерно четыре на четыре. В стене напротив – дверной проем. Самой двери я не вижу, но почему-то знаю, что она железная и противно скрипит. На стене слева под самым потолком я вижу крошечное окошко. Время – ночь. На пыльном сером потолке висит одинокая лампочка Ильича, новая, на сто ватт, уж слишком ярко светит. Стены – чистые в том смысле, что без рисунков и надписей. Но слой пыли – приличный. Надо полагать, что и стены, и потолок были выкрашены в белый, но задолго до моего рождения.

В какой-то момент сон превращается в быстрое слайд-шоу. Картинки сменяются так стремительно, что я вижу лишь темный силуэт и пистолет. Дальше в поле моего зрения появляются армейские ботинки, и я знаю, что они сорок второго размера. И когда я начинаю поднимать взгляд, чтобы увидеть лицо, я обычно просыпаюсь.

Так случилось и в этот раз. Сон всегда повторялся вплоть до мельчайших деталей, а проснувшись, я чувствовала во рту вкус собственной крови.

Почему меня посещал этот кошмар, да ещё с такой завидной регулярностью, я не понимала. Лучше бы что-то дельное приснилось. Менделеев же умудрился как-то таблицу во сне увидеть. Чем я хуже? Кошмары обычно снятся от переживаний и страхов или после перенесённых травм. Не скажу, что моя жизнь была беззаботной, но события детства на мою психику особого влияния не оказали.

Моя бабка по молодости и чрезвычайной наивности была по уши влюблена в Россию-матушку и все с ней связанное. Бросив семью в Венгрии, она перебралась в любимую страну. Сама бабка о подробностях молчала, а вот мама обмолвилась, что моя ныне покойная бабуля была влюблена не только в Россию, но и в русского Сашу. Забеременела, не удосужившись сначала женить его на себе, видимо, любовь действительно была большой. А Саша этот, едва узнал прекрасную новость, скрылся не только от бабки, но и из страны. Бабка по началу искала его, надеялась на встречу. Когда до неё наконец дошло, что любимый исчез навсегда, бабка написала родственникам в Венгрию слезливое письмо. Те ей ответили. Видимо, бабка с рождения была неприятной особой, раз родственники запретили ей возвращаться. «Здесь у тебя нет ни дома, ни родных», – кажется, так написала ей матушка.

С горем пополам бабка выжила при Советах, за отдельные заслуги государство выделило ей квартиру. Дочь, то бишь моя мама, подросла, стала писаной красавицей. С неё до сих пор можно портреты писать. Но, видно, у нас семейная карма такая – страдать от мужиков. Или просто женская половина умом не блещет. Мама аккурат на восемнадцатилетие познакомилась с красивым юношей. Познакомилась и тут же потеряла рассудок от большой любви. Подлый Игорь маму соблазнил, а через неделю исчез. Найти его не представилось невозможным. Игорь приехал в наш город на какой-то съезд или симпозиум (давно мама рассказывала, уже и не помню толком), задержался на месяц, а маме наплёл, что местный сирота. Вдоволь нагулявшись, скоренько собрал чемодан и отбыл восвояси. Мама, конечно, плакала, а узнав о беременности и вовсе рыдала, но искать его не стала.

Бабка, узнав о дочкиных приключениях, вспылала лютой ненавистью к России и мужикам в целом, а меня возненавидела ещё в утробе. После рождения бабка маме приказал назвать меня исключительно венгерским именем, пригрозила выгнать из дома и сжить со свету, если ослушается. Так на свет появилась Ковач Каталина Игоревна, то есть я.

Бабуля старела стремительно и так же быстро выживала из ума. Ближе к пятидесяти она уже устраивала форменные истерики, проклинала своих заграничных родственников, Сашу, Россию, ну, и нас с мамой, помня, чьи гены мы носим. Когда бабка особо буйствовала, я уходила к соседям по лестничной площадке Беляевым. Регина Беляева ещё и была моей одноклассницей. Дружбу мы пронесли через года, хоть и периодически теряли связь на месяц-два.

Бабка преставилась, когда мне было двенадцать. Мама на похоронах всплакнула для приличия, а я не плакала вовсе, мы тихо радовались бабкиной смерти, но виду не подавали. Ух, сколько крови она из нас выпила.

Как только я закончила школу, мама огорошила меня новостью о замужестве. Испанец Александр позвал маму на ПМЖ в Испанию. Я, конечно, порадовалась маминому счастью, но уезжать отказалась. То ли свободы хотелось, то ли ещё чего. С головой я тогда вряд ли дружила. В общем, Александр кое-как забрал маму, для пушей убедительности купил мне однушку и открыл приличный счёт в банке на мое имя, обещав пополнять его, старую квартиру мне было поручено сдавать.

Мама уехала, родила сына, которого назвала Хорхе и до сих пор живет припеваючи. Ко мне она летает с завидной регулярностью вместе с братиком, а я, в свою очередь, периодически летаю к ней. В общем, на жизнь, а сказка. И с чего мне вдруг стали сниться кошмары, я недоумевала. К психологу обращаться очень не хотелось. Не люблю с чужими людьми свою жизнь обсуждать. О страшных снах знала лишь Регина, но толку от неё было крайне мало.

Я потянулась к прикроватной тумбочке за телефоном, чтобы посмотреть время. Ещё не взяв в руки аппарат, я уже знала: на часах два ноль два. Отчасти, именно поэтому я отказывалась идти к психологу. Высмотрела в этих совпадениях что-то мистическое. Первые три ночи я удивлялась, что на часах одно и то же время. Потом неделю усмиряла разбушевавшееся воображение. А дальше я просто пыталась не впасть в панику. Сейчас на время я посмотрела скорее из упрямства. Так и есть: два ноль два. Я произнесла неприличное слово, встала и,

не обувая тапок, прошлепала на кухню. Ни алкоголь, ни снотворное не избавили меня от кошмаров. Я исправно продолжала просыпаться среди ночи в холодном поту и с дико бьющимся сердцем. Подогрев в микроволновке стакан молока, залпом осушила его и вернулась в постель. Сколько я провалялась без сна, не знаю, но утро я проспала.

Выключив орущий будильник, я продолжила спать, но через полчаса резко вскочила. Наспех собрала и побежала на работу. Сначала я села не в тот троллейбус, потом на пешеходном переходе чуть машина не сбила. Но каким-то чудесным образом в музей я добралась на десять минут раньше обычного, что с удивлением заметил охранник Витька:

– Что-то вы рано сегодня.

Витька был моим ровесником, а на «вы» обращался то ли из вредности, то ли из уважения. Сам он утверждал, что мужчине не пристало «тыкать» дамам, но я на это лишь закатывала глаза.

Вообще, Витька – хороший парень. Даже замуж предлагал однажды. Но я его вежливо отшила. Наплела что-то про поиски великого светлого чувства. А про его скудоумие промолчала из жалости. Витька, как отказ мой получил, ушёл в недельный запой, за что Шульц его чуть не уволил. Но Регина парня отстояла. Витька протрезвел, вернулся на работу, а о случае вроде бы забыл. Я и не напоминала.

– Шульц пришёл? – спросила я его, изобразив торопливость.

– Угу, – кивнул Витька, – Минут пятнадцать назад. Злой, как черт. С зазнобой поругался, видать.

Я пожала плечами и направилась в свой кабинет.

В этот музей я пришла работать после института. С красным дипломом Шульц меня сразу принял. Вот уже четвёртый год я числилась здесь старшим научным сотрудником. Фактически, я была здесь всем и выполняла всевозможные функции. Для Шульца я была кем-то вроде многорукой Шивы (или кто там многорукий?). Моя специализация – в основном по истории города. Иногда веду экскурсии для туристов по местным достопримечательностям, чаще – внутри музея. А ещё многочисленные мастер-классы, акции, приуроченные к какому-нибудь празднику. Сейчас вот готовлюсь к десятилетию со дня открытия музея.

Во время Второй Мировой войны прабабка Шульца эмигрировала в Россию. Чудом избежав гонений и репрессий, немка как никак, вышла замуж. Отец Шульца, достигнув совершеннолетия, поменял фамилию на исконно бабкину – Шульц. Чем ему Иванов не понравилась? Зов крови, видать. Имя менять не стал, но, когда у него родился сын, назвал Йенсом. Так на русской земле появился русский немец Йенс Шульц. К тридцати годам сколотил себе нехилое состояние и стал забивать голову дурными мыслями, а дом – предметами искусства и антиквариатом. Со временем заскучал в большом доме, доверху забитом экспонатами. Кому мог – похвастался. Тут его светлую голову посетила гениальная идея – открыть музей частных коллекций. Это когда богачи хвастаются своим добром перед простыми смертными и берут за это деньги.

Подумать-то он подумал, а вот воплотить идею в жизнь у него получилось только в тридцать восемь. То с властями проблемы, то с местными бандитами. Причём, было не ясно, от кого хлопот больше. В конечном счёте Шульц с последними сел за стол переговоров, и под бутылку русской водки (может, и не одну) они зарыли топор войны. Уж никто не знает, что тогда произошло в тайной комнате казино «Лагуна», но братки с тех пор с ним здороваются за руку и называют его не иначе как господин Шульц. Немец выкупил у властей особняк купца Калашникова. Его почему-то собирались снести. Но Шульц вбухал в реставрацию немыслимую кучу денег и таки открыл музей.

Мне предстояло подготовить мероприятия и раскидать их на две недели. Занятие не для слабонервных. Шульц за своё детище так переживает, что держит под тотальным контролем любые мои телодвижения. Лучше б сам какую идейку подкинул. Паразитизм, одним словом.

Пройдя между двух колонн, я свернула налево и вошла в дверь с надписью «Вход только для сотрудников». Кабинет мой расположился в самом дальнем углу коридора, а окна выходили во двор, облюбованный бездомными собаками, ставшие за годы работы родными. Дверь уже была приоткрыта, как бывало почти каждое утро в последнее время.

Регина, переехав к Шульцу, стала являться на работу вместе с ним, а он – пташка ранняя. Иначе не скопил бы такое состояние. Регина работает в музее кассиром. До девяти ей в музее нечего делать. Посетителей-то нет. Вот она и сидит в моем кабинете, не имея своего.

– Выпросит у Шульца персональный уголок, – сказала я вместо приветствия, заходя.

– И тебе доброе утро, – прошептала подруга, – а зачем он мне? Я после свадьбы работать не собираюсь.

– А вдруг развод?

– Отсужу половину имущества.

– Не отсудишь, он слишком умный, чтоб делиться.

– Хорошая ты подруга, – вздохнула Регина, – всегда знаешь, как поддержать.

Я переобулась, потрогала чайник и налила себе чай в кружку с портретом известного матadora. Известного в Испании, разумеется. Привезла год назад.

– Что-то ты бледная, – нахмурилась Регина.

В последнее время на меня столько дел свалил её треклятый жених, что я серьёзно не доедала и крайне мало спала, работая допоздна в музее и забирая работу на дом. Ещё и кошмары эти. Удивительно, как я до сих пор умудряюсь выглядеть так красиво.

– Бледная, потому что никто не кормит, а сама забываю, – ответила я и жалобно усталилась на Регину.

– Вот мама твоя прилетит, увидит тебя такую и спросит с меня.

– Мама добрая, – я расплылась в улыбке.

– Добрая, а за тебя порвёт.

– Тебя – нет.

– Меня – в первую очередь! Она же меня просила приглядывать за тобой. Шас вернусь, – Регина резко вскочила и исчезла за дверью. Появилась она через полторы минуты с торбой бутербродов на тарелке.

– Кого обчистила?

– Витьку. Дал под проценты, жулик. Пришлось пообещать огромный торт. Не забудь завтра купить.

– А почему я? – Возмутилась я, запихивая в рот бутерброд.

Регина мой вопрос пропустила мимо ушей, подошла к двери, закрыла ее на шпингалет и задрала юбку до самых трусов. Забыв, что рот полный, я ахнула от увиденного, поперхнулась и закашляла. Подруга бросилась ко мне, но я остановила её жестом. Не хватало ещё, чтоб она меня прямо тут убила. Первую помощь она оказывать ну вот совсем не умеет.

С трудом откашлявшись, я поинтересовалась:

– Это что сейчас было?

Подруга снова задрала юбку и гордо вскинула голову:

– Красиво, да?

На её правом бедре красовался меч, воткнутый в камень. Вернее, не меч, а татуировка в виде меча.

– Эскалибур! Шикарный меч! И название какое!

– Так ты из-за названия его на себе нарисовала?

– Нет, конечно! – Обиделась подруга.

– Красиво, не спорю. А вот на хрена он тебе, не пойму. Жених-то уже оценил?

– Ещё нет.

– Правильно, до свадьбы не показывай. А как он не заметил? Вы же вместе живёте, – удивилась я, хватаясь за очередной бутерброд.

– Да я только вчера его набила. А Йенс вчера допоздна работал. Как пришёл, так и рухнул спать. Не до меня ему сейчас.

– Тогда понятно.

Пока я уминала Витькины бутерброды, Регина сидела напротив, истекая слюной.

– Че не ешь? – Спросила я, пододвигая тарелку в ее сторону.

– Диета, чтоб ее. Я каждый день платье меряю. Боюсь, вдруг не влезу.

– Не переживай, Шульц тебе новое купит.

– Такого больше нет.

По словам Регины, свадебное платье – просто умопомрачительное. Купила она его прямо на следующий день после того, как Шульц сделал ей предложение.

Регина пришла в музей два года назад. Поработав парикмахером, официанткой, риелтором и даже собаководом, она вновь ушла в поиск перемен. А в музее как раз кассирша ушла в декретный отпуск. Ну, я ей и намекнула. Как только Регина приступила к работе, тут же принялась охмурять шефа. Несмотря на возраст, Шульц был довольно симпатичным мужчиной, а с пробившейся сединой и вовсе стал похож на Джорджа Клуни. Плюс к этому приличный счёт в банке, движимое и недвижимое имущество. В общем, подруга от этих достоинств умом окончательно тронулась и решила во что бы то ни стало окольцевать немца. Но долгих два года отношения оставались в статусе интимных. А потом подруга влюбилась. В Шульца, естественно. Позвонила мне как-то среди ночи и давай реветь в трубку, мол люблю его, и никаких его денег не надо. Я ей посоветовала с ее внезапным озарением обратиться напрямую к причине истерики, что она и сделала. Шульц примчался к ней среди ночи и с порога заявил о намерении жениться. Подруга в ту ночь, совсем тронувшись умом, предложила брачный контракт, где будет прописано, что в случае развода или его смерти она останется ни с чем. Через неделю контракт уже был подписан обеими сторонами, но сразу после подписания Шульц разорвал бумаги, убедившись в искренности Регины.

Я поначалу поражалась от подружкиных способностей. Это ж надо было так сыграть отчаянно влюблённую! Но со временем поняла, что Регина и вправду влюбилась в немца без памяти. С тех пор я тихо завидую их чувствам, но сама потенциальных женихов отшиваю ещё на стадии знакомства. На это у меня была своя веская причина. В возрасте тринадцати лет я опрокинула на себя кастрюлю с кипятком (детство и впрямь было интересное), обожгла живот. Но с врачами мне опять не повезло. После лечения на животе остались уродливые шрамы. Мама моя, мудрая женщина, всегда твердит: «Если мужчина полюбит твою душу, он полюбит и твоё тело».

В девятнадцать я рискнула и поддалась чарам однокурсника. Каким-то образом мы оказались у меня дома, но стоило мне раздеться, неудавшийся Ромео сбежал, на ходу застёгивая штаны. Больше рисковать я не решалась и лишь тихо проклинала всех влюблённых вокруг, а четырнадцатого февраля исправно напивалась, забаррикадировавшись в квартире, и смотрела сопливые мелодрамы, которые в трезвом состоянии люто ненавидела.

Подруга о моем тайном стремлении к вечной любви знала, поэтому тактично молчала о своих сердечных переливаниях и делала вид, что в Шульце любит только толщину его кошелька, лишь однажды позволив себе излить душу. Но одинокая женщина всегда видит, когда кто-то смотрит влюблёнными глазами. А после того ночного сеанса психоанализа флюидами Регины и Шульца можно было плавить железо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.